

© 2022 г.

Л.Г. ТИТАРЕНКО

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЛОБАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВЫ

ТИТАРЕНКО Лариса Григорьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета; ассоциированный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Минск, Беларусь (larissa@bsu.by).

Аннотация. В статье дается краткий обзор и критический анализ теоретических концепций общесоциологического уровня, представленных в постсоветской российской социологии. Её нынешнее состояние и перспективы развития рассмотрены в контексте глобального развития социологии и разработки оригинальных социологических теорий на российской почве. В рамках первого подхода отдельное место отводится проблеме заимствований и подражательства зарубежным теориям среди российских социологов. Показано, что развитие национальных теорий не закрывает возможности опоры на мировые достижения социологии и не означает индигенизацию российской социологии. Приведены точки зрения на общее состояние теоретической социологии и оценки отдельных российских теорий (модернизации, эко-риска, социологии жизни и др.), выделены препятствия их развитию. Определена авторская позиция относительно сочетания глобального и национального в теоретической социологии, общесоциологической и специальной социологических теорий, изучения национальных традиций. Делается вывод об отсутствии перспектив создания новой гранд-теории и возможностях сосуществования многих общих теорий как вероятностные пути развития социологии в России. Подчеркнута необходимость активной позиции российской социологии в теоретическом конструировании.

Ключевые слова: теоретическая социология • глобальная и национальная социология • кризис • теории модернизации • цивилизационный анализ • междисциплинарность • национальное наследие

DOI: 10.31857/S013216250019601-4

Проблема нынешнего состояния и перспектив теоретической социологии в России остается спорной. Хотя ею занимается относительно небольшая горстка ученых, их взгляды могут сильно различаться между собой, вызывая дискуссии [О мировой..., 2021]. Поэтому считаем возможным высказать свою точку зрения по этой проблеме.

Теоретические основания анализа. Поскольку, как подчеркивают некоторые авторы, в дискуссии о теоретической социологии в России необходимо сразу определить понятия [Николаев, 2022], проясним нашу позицию. Мы согласны, что в «текущем обществе» при увеличивающейся структурной нестабильности и конструировании «общества постправды» [Черныш, 2018а: 3] четкое определение содержания понятий обязательно. В данной статье, обсуждая развитие социологической теории, мы понимаем под этим (1) общую социологическую теорию (не специальные теории), (2) конструирование новых теорий или их существенное развитие (не только и не столько адаптацию чужих теорий к российским реалиям), (3) не единую универсальную общую теорию,

а совокупность многих (не противоречащих друг другу в основополагающих принципах) общих теорий. В вопросе о единой или множественных теориях наша позиция следующая. В социологии всегда развивалось много теорий, несмотря на то, что на определенных этапах ее развития (в отдельных странах социологического мейнстрима) могла господствовать одна парадигма/теория (например, теория Парсонса в середине XX в. в США). На классическом этапе социологии параллельно развивались позитивистские (Э. Дюркгейм), антипозитивистские (Г. Тард, М. Вебер), диалектические теории и подходы (К. Маркс). Даже в рамках одной парадигмы теории могли существенно различаться между собой, сохраняя базовые принципы. Доказательством того, что развитие социологии никогда не было монопарадигмальным и что представители разных парадигм, теорий конкурировали друг с другом, служат постоянные споры и конфликты социологов разных направлений. Напомню теоретическое противостояние Вебера и Дюркгейма, дебаты Тарда и Дюркгейма, игнорирование работ Маркса в текстах Вебера и т.д. Сегодня в глобальном сообществе преобладает признание мультипарадигмальности социологии, что позволяет отразить факт дифференцированности глобального общества, наличия в нем фигураций [Eisenstadt, 2000; Arnason, 2003; Wittrock, 2000]. Ш. Айзенштадт, одним из первых предложивший теорию мультимодернов в контексте цивилизационного анализа, считал, что направление социодинамики в принципе нельзя точно предвидеть, так как оно жестко не детерминировано, а зависит от меняющейся констелляции (конкретной конфигурации) социального и культурного порядков [Eisenstadt, 2000]. Современные последователи социологической версии цивилизационного анализа следуют принципам культурной автономии, исторической контингентности и креативности действия [Российское общество..., 2021: 24].

Размышляя о развитии социологической теории в России, мы также имеем в виду оригинальные самостоятельные теории, созданные на российских реалиях, что не исключает использования некоторых общих с западными авторами идей.

Две рамки анализа. Глобальный фрейм. Любая характеристика современной российской социологии предполагает, прежде всего, ее рассмотрение в глобальном контексте. Надо определить, что представляет собой нынешняя социология в мире, какое место в ней отводится России и изменится ли оно, если в российской социологии появятся собственные оригинальные теории. Поэтому кратко о том, что происходит в мировой социологии.

Более 20 лет продолжаются дискуссии по поводу разнообразных теоретических концепций глобализации, которые системно охватывают развитие социума, но при этом направлены на поиск универсальных трендов и моделей, пригодных в той или иной степени для всех стран и зачастую имеющих в основе черты американской или европейской модели. Но, оставаясь в обойме популярных теорий, глобалистские концепции потеряли за последнее время сторонников. Далее, на уровне мировых стандартов провозглашается движение регионов и стран к устойчивому развитию, которое должно уменьшить вопиющее глобальное социальное неравенство и решить проблему бедности в мире. Во фрейме устойчивого развития строятся многие национальные программы (включая Россию), хотя страны могут по-своему определять цели и задачи такого развития. Это направление, видимо, и дальше будет популярным, хотя в сущности никаких конкретных моделей и механизмов продвижения к устойчивому развитию оно не предлагает.

Можно упомянуть о продолжающихся в глобальной социологии исследованиях, подтверждающих кризис или стагнацию старых форм, попытки преодоления этого состояния посредством трансгуманизма, акторно-сетевой теории, феминизма, разработки культуральной социологии, акционизма и других теорий [Delanty, Turner, 2011]. Еще одна важная характеристика современной глобальной социологии – т.н. «повороты». Количество новых «поворотов» в социологии, декларированных в конце XX – начале XXI в. [Урри, 2012; Александер, 2013; Best, Kellner, 1997], столь велико, что непонятно,

остались ли в науке парадигмы и теории, не затронутые этими изменениями. Нет привычных направлений социологической мысли – позитивизм, функционализм, антипозитивизм и т.п. Стало трудно объяснить современные изменения в обществе, используя схемы, разработанные не только в XX, но даже в начале нового века (хотя понятия «модерн», «постмодерн», «постпостмодерн», «постмарксизм» остаются инструментами анализа [Харви, 2021; Bowman, 2007; Sim, 2000]. Характеристики эпохи как турбулентной, неопределенной стали привычными [Joas, 2014; Бауман, 2008].

Несмотря на кризис «большой теории», в западной социологии есть новые теоретические подходы, обобщить и точно определить которые трудно ввиду господства разведнительных линий и того, что большинство новых подходов относятся к «среднему уровню», т.е. касаются отдельных сфер жизнедеятельности. В Германии, например, широко известны концепции Й. Беккера, созданные в лоне экономической социологии. На уровне теорий среднего уровня западная социология имеет достижения, другого уровня достижений сегодня вряд ли стоит ожидать.

Поэтому если российские социологи будут продолжать попытки прямого или косвенного заимствования западных теорий, вряд ли такой подход принесет ожидаемые результаты и будет способствовать пониманию современных процессов в России (хотя в реальности заимствованные подходы имеют место). Как показывают современные исследования, заимствования даже лучших образцов не могут принести ожидаемых результатов (т.е. не будут созданы теории, которые способны адекватно описывать и объяснять российские реалии, тем более прогнозировать будущее). Чужие идеи легче развивать, когда наблюдается дефицит своих идей. Это осознается как российскими авторами, так и зарубежными, когда они оценивают состояние социологии в России. В.Г. Николаев с сожалением пишет о пересказах, подделках под западные оригиналы, колониальные подражания, имеющих место в определенных российских кругах социологов [Николаев, 2022]. И. Шубрт бескомпромиссно заявляет, что российские социологи, следующие в русле известных (модных, как он пишет) западных теорий, пытаются решать вопросы собственной карьеры, поскольку «подражательные» статьи легче публиковать в международных журналах (получить заветные «хирши»), особенно если там решения принимают авторы, которым подражают. Однако для развития социологической теории в России и роста российской социологии такие действия ничего позитивного не приносят [Шубрт, 2021: 10]. Нельзя не согласиться с Шубртом, что «если бы развитие социологии оценивалось только по западным критериям, российские исследователи обречены играть вторую скрипку, потому что всегда будут приспособляться и подражать заимствованным теоретическим концепциям и исследованиям» [там же: 10]. Известны российские институции, которые оценивают успехи своих научных сотрудников по числу и статусу зарубежных публикаций, количеству западных грантов или иных видов коллабораций. В то же время эти продвинутые на Западе российские авторы мало известны внутри российского социологического сообщества, их вклад в решение актуальных проблем страны и российской социологии может быть несоизмеримо меньше вклада тех, кто публикуется только на родине и работает в рамках тематики, актуальной для своего общества. Более того, как писал О.Н. Яницкий, российские достижения для западной социологии в принципе не нужны и не интересны, поэтому ориентироваться на зарубежное признание как главный критерий собственных достижений не имеет ни научного, ни практического смысла [Яницкий, 2008b].

Итак, если рассматривать российскую теоретическую социологию во фрейме современной глобальной социологии, находящейся в периоде стагнации и поиска теоретических инноваций, необходимо согласиться, что ориентация на западные образцы и критерии не продвинет вперед российскую социологию, наоборот, законсервирует ее «вторичную» позицию, как это бывает с эпигонами и подражателями. Не следует забывать и о том, предостерегает М.Ф. Черныш, что в глобальном развитии науки

(включая социологию) большую роль играют стратегические интересы доминирующих стран, прежде всего США. Эта страна диктует волю и своим ученым, и другим странам: «Превосходство в области науки рассматривается ею как одно из условий её глобального доминирования» [Черныш, 2020: 54].

Остается второй путь – путь самостоятельного развития теорий без постоянной оглядки на западный мейнстрим. Вряд ли этот тезис будет позитивно воспринят представителями «молодых» российских социологов, которые либо учились на Западе, либо проходили там стажировки, получали гранты и в целом сложились как ученые в рамках того или иного западного направления. Между ними и представителями «старших поколений» (50+), социализированными в советских условиях, имеются значительные различия. Хотя среди критериев различия первым обычно называется возраст (и разрыв трактуется как поколенческий), по сути дела, он имеет иную природу. Сегодня в российской социологии в новой версии повторяется противостояние западников и славянофилов, характерное для XIX в. и отразившееся на развитии литературы, философии и социологии в России. Каждая из сторон выдвигает свои аргументы и считает свою позицию правильной. Фрагментация, разделительные линии между ними иногда проявляются наглядно, чаще не выносятся на публику, но вряд ли способствуют появлению новых теоретических достижений. «Молодые» либерально ориентированные социологи, как правило, занимаются интерпретацией зарубежных теорий, их адаптацией в России, либо критикой «консервативных» коллег, а последние продолжают разработку актуальных социальных проблем в русле сложившихся в российском сообществе подходов. Критический крен в таких публикациях так или иначе создает негативный образ страны в международных журналах, не способствуя развитию теоретической социологии, и противоречит национальным интересам.

Обращение к национальной социологии ни в коем случае нельзя понимать как призыв к индигенизации, национализму, изоляционизму. Скорее, это рациональный отказ от абсолютизации зарубежных теорий, стремление к эпистемологическому балансу между заимствованными западными парадигмами знания и оригинальными версиями социологического теоретизирования. Отметим, что внутреннее противостояние в российской социологии чаще артикулируется «молодыми» поколениями, тогда как «старшее» поколение предпочитает не включаться в конфликт, поскольку он вряд ли продвинет вперед национальную социологию.

Много лет в российском научном сообществе дискутируется вопрос о балансе национального и глобального, включая вопрос языка науки. Эта проблема обострилась после того, как оценка продуктивности стала даваться в России на основе международных наукометрических показателей. Старшее поколение социологов, в частности, подчеркивает, что ориентация на приоритетность публикаций в международных журналах в ущерб российским может привести к тому, что российские журналы станут «мусорными», а приоритет англоязычных публикаций приведет к деградации не только национальной науки, но и образования на русском языке [Ученые записки..., 2021: 15–16]. Сохранение национального языка науки – вопрос сохранения менталитета и ценностей. В научном мире, несмотря на засилье английского, в каждой стране живут свои языки – не за счет принижения английского, а исходя из потребностей. Не отказываясь от международных публикаций (и от глобального ракурса), необходимо развивать социологию в стране, публикуя здесь основные результаты исследований и оценивая их по критериям, доступным не только прозападным «продвинутым» авторам, но всем представителям российского социологического сообщества.

Национальный фрейм. Возникает вопрос, имеются ли в настоящее время в российской социологии новаторские теории, модели, общепризнанные хотя бы в своем сообществе. К созданию таких теорий российскими авторами призывал В.А. Ядов. Рассуждая о специфике российских трансформаций, он писал, что российской социологии нужны «субтеории именно российских трансформаций», правда, опирающиеся

на «общую грандтеорию» [Ядов, 2006: 129]. В данном случае речь идет об уровне теории, равной по значимости теории Т. Парсонса, которая соединяла все базовые проблемы общества – социального порядка, изменения, социального действия [Парсонс, 1998]. Сразу приходится добавить, что такие универсальные теории общества могут быть лишь на самом высоком уровне анализа. Реально такой теории, даже если бы она существовала, было бы недостаточно: «Россия слишком разнообразна, чтобы можно было построить общую концепцию ее социодинамики» [Яницкий, 2008а]. Тем не менее общая ситуация в отечественной теоретической социологии оценивается старшим поколением скорее позитивно. По мнению мэтра российской социологии Ж.Т. Тощенко, «в отечественной социологии появились идеи, обладающие эвристическим потенциалом в теоретическом осмыслении меняющейся действительности» [О мировой..., 2021: 4]. Сюда можно отнести немало проблем, которые имеют особую важность в контексте России (например, социальная справедливость, альтруизм) или которые развивались в российской социологии с XIX в. Так, приняв цивилизационный подход, согласно которому Россия относится к иной, нежели западноевропейская, цивилизации [Браславский, Козловский, 2021], современные российские последователи допускают, что в рамках этого подхода можно строить много продуктивных теорий.

В России есть работающие теории, которые дают объяснения важным социальным трансформациям, хотя они, возможно, остаются «не раскрученными» и недостаточно известными широкому кругу социологов [О мировой..., 2021: 12]. Прежде всего, это российская теория модернизации, предлагающая стране оригинальную модель, больше ориентированную на китайский образец, чем на Запад, поскольку Китай тоже объединяет регионы, находящиеся на разных уровнях развития и требующие разных «скоростей» развития. Данная теория была разработана под руководством Н.И. Лапина [Атлас..., 2016]. Ее цель – превращение России в высокоразвитую постиндустриальную державу. Теория модернизации раскрывает многие проблемы, стоящие на пути индустриального и социокультурного развития России, хотя не позиционируется как теория, объяснительная сила которой достаточна для выдвижения ее в разряд теорий высокого уровня всего постсоветского общества, так как объектом ее анализа является российское общество, дифференцированное на разнородные регионы. По мнению Ж.Т. Тощенко, концепция модернизации (и инновационного развития, цифровизации и т.п.) отражает «важные, но отдельные стороны развития общества» [О мировой..., 2021: 4] и имеет такие слабые стороны, как отсутствие согласованности между программами, принятыми на их основе, и – что важнее – нежелание государственной бюрократии выполнять обоснованные социологами стратегические программы развития. Однако вряд ли эти слабые стороны связаны с разработкой теории, скорее, это следствие неэффективных попыток ее реализации в условиях недостаточно эффективной экономики и стагнации социальных структур.

Теория модернизации дифференцирует Россию на несколько разных по уровню развития регионов, каждый из которых должен модернизироваться по-своему. Эту дифференциацию нельзя отождествлять с фрагментацией социума, о чем неоднократно писали авторы как об огромной проблеме [Амбарова, 2022; Titarenko, Zdravomyslova, 2017]. Феномен региональной дифференциации существует во всех странах и отражает разнообразие общества (либо нехватку ресурсов, не позволяющую сразу поднять все регионы на некий уровень). Эта теория выделяет в российском обществе регионы разных уровней модернизации и ставит для каждого свои цели развития. Некоторые авторы выдвигают идею, что Россия соединяет регионы, относящиеся к разным цивилизациям и требующие разных теорий для объяснения. По нашему мнению, данная теория раскрывает социодинамику регионов России, хотя и не отвечает на главный вопрос: каким образом российское общество сможет преодолеть отставание в экономической, технологической, социокультурной сферах и способствовать смягчению нарастающего социального неравенства и бедности населения. Эта

проблема дополняется необходимостью уточнения механизма воспроизводства государства, культуры и социума России, базовых фреймов индивидуальной и коллективной идентичности [Российское общество..., 2021: 264].

В России появились теории зависимости от прошлого с акцентом на национальных особенностях страны. Так, в начале XXI в. была создана объяснительная теория X- и Y-матриц в развитии России, предложенная С.Г. Кирдиной [2000]. X-матрица олицетворяет институты централизованной экономики и политики, Y-матрица – либеральную демократию и рынок. По мнению С.Г. Кирдиной, в каждой стране есть одна исторически доминирующая матрица, которая ретранслируется в разных вариациях. В России доминирует X-матрица. Такие страны более устойчивы в периоды кризисов. По мере смены глобального институционального порядка роль России в мире будет возрастать.

Несколько иную модель, основанную на анализе зависимости нынешнего развития России от ее истории, разработал Н.С. Розов [2011]: вместо матриц предложены циклы, повторяющиеся в истории страны. По его мнению, Россия всегда будет стараться использовать практики, привычные ее населению, основанные на опыте и отражающие ее историю. Даже если предлагаемые новые модели развития будут выглядеть эффективнее, они вряд ли будут восприняты в России, потому что и элиты, и население предпочитают следовать традициям. Эти тезисы достаточно дискуссионны, не оставляя места инновациям в России.

Оба автора считают, что их теории помогают осознать нынешнее положение страны и разработать ориентиры и стратегии ее развития. Однако, прежде всего, они постулируют повторяемость в российской истории, которая по сути ничего, кроме повторения пути по той же «колее» или «матрице», не предлагает будущему.

На протяжении более 20 лет Ж.Т. Тощенко создает национальные теории, выдвигаемые им на общесоциологический уровень. Это и теория парадоксального человека, отражающая противоречивость постсоветского общества, и «социология жизни», которая применяется автором к пониманию нынешнего российского общества и включает комплексный подход к анализу объективных и субъективных факторов, влияющих на развитие страны [Тощенко, 2016].

Нельзя не упомянуть российскую экосистемную теорию риска, разработанную О.Н. Яницким применительно к современным российским условиям. Эта концепция отражает рост в глобальном мире таких новых акторов, как социальные движения и женские движения, стремительно нарастающие экологические кризисы. Данные факторы существенно меняют социальный ландшафт мира, и Россия не выпадает из этого процесса. Базовая идея превращения современного общества в глобальное «общество риска» была выдвинута У. Бекком [Beck, 1992]. Позднее она получила существенное развитие. Теория О.Н. Яницкого сфокусирована на тезисе, согласно которому ключевые риски российского общества связаны с отсутствием в обществе согласия относительно базовых целей и ценностей. По мнению автора, отчасти причина этого в ошибочной ориентации на западную модель в 1990-е гг. Отсюда автор выводит такие негативные следствия его развития начала XXI в., как «политическая стабилизация ценой демодернизации; растущая приватизация социального порядка»; пренебрежение экологическими рисками. Вместе взятые, указанные автором особенности российского «общества риска» существенно тормозят его позитивную социетальную динамику [Яницкий, 2003: 3].

Эвристическим потенциалом обладает цивилизационный анализ общества, в последнее время развиваемый в российской социологии. Такой подход демонстрирует неразрывную связь глобального и национального в современной социологии. Следуя традициям цивилизационного подхода, представленным в трудах Ш. Айзенштадта, Й. Арнасона, Н. Элиаса (соединение культурного и социального измерений человеческого существования, признание непрерывного конструирования социального и культурного порядков и множества цивилизаций модернистского типа), его российские сторонники создают собственный концептуальный аппарат фиксации, объяснения,

интерпретации множества сопряжений «социальной структуры и культуры, институтов и агентных структур (индивидов, групп, сообществ), разных капиталов в изменчивом социокультурном пространстве российских территорий» [О мировой..., 2021: 10].

Центральным понятием в российской версии цивилизационного анализа является цивилизационный порядок общества, который отражает «сложившийся устойчивый корпус форм социальной организации и регулирования культуры, хозяйства и власти» [Российское общество..., 2021: 258]. Считается, что этим порядком определяется способ социального и культурного включения индивида в ценностные структуры, сетевые отношения, функциональные и институциональные подсистемы общества, доступ к позициям, статусам, ресурсам, необходимым для самореализации. Данный критерий весьма сложен для прикладного использования, он подходит для теоретического анализа, при котором позволяет раскрыть взаимодействие индивида и власти во фрейме культуры. По мнению В.В. Козловского, любой режим цивилизационного порядка по отношению к отдельному индивиду проявляется двойственно: режим навязывает каждому господствующие стандарты общества потребления, при этом сохраняя возможности индивидуального выбора. Что касается российской цивилизации как специфической версии модерна, ее будущее прогнозируется в русле неконтролируемых кризисов и конфликтов современного глобального мира, частью которого является Россия. В ближайшее время мир ожидает переход от «вполне устойчивой социокультурной матрицы сложившихся типов современного общества "риска"... к новым формам общественного порядка» [Российское общество..., 2021: 259]. Формируется новая социокультурная карта мира и «цивилизационного сдвига российского общества в направлении новых типов модерности с учетом собственной специфики» [там же: 260]. В частности, будут создаваться новые механизмы включения/исключения социальных групп в механизмы принятия решений по всем важнейшим проблемам общества.

Ввиду признания отправной точкой теоретического анализа фундаментальной неопределенности развития общества в настоящее время цивилизационный анализ не позволяет его сторонникам предвидеть, что же сформируется в России в конечном счете, в чем будет проявляться ее цивилизационная специфика в рамках мирового цивилизационного процесса по сравнению с другими типами модерна. Современное общество (включая российское) настолько сложное, что его невозможно отрефлексировать в рамках прежних подходов и теорий, не разрабатывая более сложные и комплексные подходы. Однако и новые теории, которые попытаются реализовать данную задачу, не могут не быть противоречивыми. По этой причине имеет смысл разработать на основе цивилизационного анализа несколько теорий среднего уровня, которые с разных сторон раскроют развитие российского общества, взаимно дополняют друг друга и одновременно будут конкурировать между собой, предлагая разные схемы анализа и объяснения сложности развития российского модерна (модернов) [Российское общество..., 2021: 265].

Представленные теории, объясняющие историческое развитие России, несмотря на определенные недостатки и «нераскрученность» на глобальном уровне, можно оценивать позитивно, так как они построены с учетом российской специфики и многовековой истории страны. Однако они не дают ответов на современный комплекс социальных проблем развития России. В отличие от Ж.Т. Тощенко, И. Шубрт считает, что общая слабость подобных российских теорий связана с их фокусом на концептуализации, т.е. определении типа модернизации, не на решении более важных сущностных вопросов социетального развития (наследие типа советской модернизации, драйверы и преграды на пути нынешней российской модернизации) [Шубрт, 2021: 6]. По мнению чешского социолога, основным тормозом являются факторы, лежащие в предшествующем развитии России, и даже сохранение во власти социологов, принадлежащих к старшим поколениям может оказывать консервативное влияние на современное развитие российской социологии. Можно не согласиться с последним: ведь именно эти поколения социологов

и создали теории, которые сегодня репрезентируют теоретическую социологию в России и содержат значительный эвристический потенциал.

Если обратиться к российским социологам, во многом развитию социологии мешает нынешнее положение социологии в обществе: оно существенно ограничивает развитие дисциплины. Чтобы изменить ситуацию, нужны серьезные реформы в организации российской науки в целом [Ученые записки..., 2021; Черныш, 2020]. В области социологии это реформирование включает как проблемы ее управления и изменения структуры, преодоления внутренних конфликтов социологов, так и выход на актуальные проблемы исследования глобального и национального общества. В дополнение к этому не раз ставился вопрос, что социология должна проводить масштабные междисциплинарные исследования и не уходить от проблем, которые сегодня остро встали в экологии, технической науке, биологии и других науках. Отмечаются негативные последствия тенденции разрыва с междисциплинарной неозоволюционной теорией [Девятко, 2021: 8]. Согласно этой позиции, если новые теории в социологии будут междисциплинарны, они смогут системно охватить современные процессы развития, теоретически осмыслить их социальные, технические, биологические, экологические, исторические стороны.

Соглашаясь с этим тезисом, добавим, что на практике никакие «государственные заказы» на междисциплинарность исследований или успешные западные образцы новых подходов и «поворотов» в социологии не помогут создать такие общие теории. Только само российское социологическое сообщество может переосмыслить современную ситуацию и выдвинуть новые подходы и теории, которые будут адекватны объективному запросу общества на них. Иначе говоря, социологи не могут рассчитывать, что элита, государство или даже гражданское общество сознательно поставят перед ними конкретные цели и задачи теоретического характера и финансово поддержат подобные исследования. Современное государство (и другие стейкхолдеры) поддерживает те научные проекты, которые актуальны в ближайшей перспективе; финансов на создание общесоциологических теорий нет. Но поскольку стратегические проекты и общесоциологические теории нужны обществу, ими необходимо заниматься – даже на чисто научном энтузиазме. Возможно, создание таких теорий поможет поднять престиж социологии и общественных наук внутри самой России. Сегодня общесоциологическая теория нужна в России (и не только), прежде всего, самим ученым. Заказа на нее от власти нет: для определения курса страны научные прогнозы ей не требуются. Это положение дел не устраивает ученых, но пока ничего не меняется. Однако остается, говорил И. Кант, «постоянное стремление к истине», которое и заставляет ученых проводить научные исследования, делать выводы, конструировать модели и теории независимо от институциональной поддержки.

Возврат к национальным традициям (вместо заключения). В охарактеризованных обстоятельствах еще больше возрастает значимость обращения российских теоретиков к собственному теоретическому наследию, включающему досоветские и советские теории. Пока превалирует выборочный подход к этому наследию. Тщательно изучаются дореволюционные социологи (особенно П.А. Сорокин), хотя и здесь имеется некоторый перекокс: преобладают интерпретации его трудов, выяснение нюансов, тогда как можно было бы, отталкиваясь от поднятых П.А. Сорокиным проблем российского общества и социологической дисциплины (социальная революция, альтруизм, интегративная социология), пытаться развивать их в современных условиях с учетом новых характеристик глобального и российского общества. Творческое наследие советской социологии часто замалчивается, или к нему обращаются только для критики, что бесспорно искажает общее понимание советского периода развития отечественной социологии, обедняет историческую память. Поскольку отношение к советскому социологическому наследию – отдельная тема, не будем подробно ее затрагивать здесь.

Одна из задач развития теоретической социологии состоит в том, чтобы (пере)осмыслить имеющееся социологическое наследие целиком, без изъятий, строить новые знания с учетом этого наследия. Оптикой такого рассмотрения должно стать реальное состояние науки (насколько возможно реконструировать ход ее развития и исследовать ее научные результаты), а не только и не столько представления об эпохе или мемуары отдельных социологов¹. Творчески развивая национальные традиции, российская социология сохранит преемственность, которой недоставало ее советскому периоду, а нынешние социологи будут гордиться «родством» с советской социологией, а не отрицать ее значимость. Возможно, для этого социологам не хватает таких средств научной коммуникации, как электронный журнал «Global Dialogue», на страницах которого можно опубликовать короткий текст, инициировать обсуждение новой проблемы, раскрыть забытую страницу истории, не заботясь о попадании в Scopus (журнал «Global Dialogue» популярен, но в Scopus не входит). Аналогичный российский общесоциологический журнал не повысит роль российской социологии в мире, но сыграет позитивную роль внутри страны и поспособствует научной коммуникации ученых разных поколений.

Российская теоретическая социология сможет развиваться, если будет находить новые повороты в решении актуальных социальных проблем, анализировать их в новых концептуальных рамках и использовать новую исследовательскую оптику. Связь с предшественниками – не цитаты и не интерпретации того, что сказано по разным поводам. Это творческое следование духу понимания проблемы. Очевидно, необходимо развивать методы исследования, что делается в России. Но методы исследований не заменяют теоретические подходы, позволяющие по-новому объяснить и прошлое, и настоящее. Возможно, междисциплинарные исследования отдельных сфер социума (учитывающие не только разные социально-гуманитарные подходы, но и технические, биологические науки) могут продвинуть социологию вперед. Основная задача развития науки – макроуровень, на котором может и должен применяться в том числе междисциплинарный подход. Отдельные теории среднего уровня их не заменят. Не годятся на консолидирующую роль и большие базы данных – прежде чем получить выводы о чертах, тенденциях, аспектах развития любого исследуемого социального феномена, необходимы осмысление и анализ собранных эмпирических данных в рамках конкретной теории. Каким образом можно (и можно ли?) использовать такие базы в конструировании общесоциологических теорий, открытый вопрос.

Сегодня, в условиях кризиса западной социологии и отсутствия теоретических «прорывов» в отечественной социологии, оптимизм в отношении конструирования общих теорий практически исчез. Уровень постановки теоретических задач снижается. Вместо создания «универсальной гранд-теории, объясняющей социальные изменения» [Черныш, 2018б: 78], у социологии остается «право исследовать вероятности, наблюдать риски и прогнозировать будущее» именно как вероятностное, чтобы определять опасные состояния и разрабатывать меры по снятию социальной напряженности. Было бы логично, чтобы объяснительные теории, сфокусированные на определении и преодолении кризисных состояний, на создании вероятностных вариантов развития, строились на национальном и глобальном уровнях. Появилось бы важное поле дискуссий и совместных размышлений о будущем, которые одинаково значимы для социологов всех стран.

---

¹ Наш подход нисколько не преуменьшает важность использования биографического метода, который развивает Б.З. Докторов; это необходимый, но не единственный метод использования российского социологического наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж. *Смыслы социальной жизни: культурсоциология*. М.: Праксис, 2013.
- Амбарова П.А. Социальная фрагментация сообществ в современной России: в поисках социологической теории // *Социологические исследования*. 2022. № 1. С. 41–51. DOI: 10.31857/S013216250017229-4.
- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016.
- Бауман З. *Текучая современность*. СПб.: Питер, 2008.
- Браславский Р.Г., Козловский В.В. Цивилизационное измерение структурирования обществ // *Социологическое обозрение*. 2021. Т. 20. № 1. С. 148–175. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-1-148-175.
- Девятко И.Ф. Социологическая теория: старые трудности, новые вызовы // *Социологические исследования*. 2021. № 10. С. 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016657-5.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.
- Николаев В.Г. Социологическая теория в России: на распутьях фрагментации и плюрализма // *Социологические исследования*. 2022. № 1. С. 30–40. DOI: 10.31857/S013216250017450-8.
- О мировой и отечественной теоретической социологии (круглый стол) // *Социологические исследования*. 2021. № 9. С. 3–15. DOI: 10.31857/S013216250016494-6.
- Парсонс Т. *Система современного общества*. М.: Аспект-Пресс, 1998.
- Розов Н.С. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН, 2011.
- Российское общество: архитектура цивилизационного развития: моногр. / Отв. ред. В.В. Козловский; ФНИСЦ РАН. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.2021.
- Тощенко Ж.Т. *Социология жизни*. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
- Урри Дж. *Мобильности*. М.: Праксис, 2012.
- Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 10. *Острые проблемы современной российской науки*. М.: ФНИСЦ РАН, 2021.
- Харви Д. *Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений*. М.: ВШЭ, 2021. DOI: 10.17323/978-5-7598-2369-8.
- Черныш М.Ф. Проблема социального коллапса в социологии // *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып.16* / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018б. С. 55–79. DOI: 10.19181/ezheg.2018.3.
- Черныш М.Ф. Реформа российской науки как институциональное конструирование // *Управление наукой: теория и практика*. 2020. Т. 2. № 2. С. 47–64. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.2.2.
- Черныш М.Ф. Тренды современной критической социологии (общие наблюдения с конференции ЕСА) // *Социологические исследования*. 2018а. № 2. С. 3–8. DOI: 10.7868/S0132162518020010.
- Шубрт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах // *Социологические исследования*. 2021. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S013216250011069-8.
- Ядов В.А. По поводу статьи А.И. Малинкина // *Социологические исследования*. 2006. № 8. С. 127–129.
- Яницкий О.Н. Комментарий к статье Розова Н.С. Стагнация социологии как выражение общего недовга российского общественнознания // *Официальный сайт ИС РАН*. 2008а. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=925 (дата обращения: 12.12.2021).
- Яницкий О.Н. Почему социология теряет свой вес в обществе? // *Официальный сайт ИС РАН*. 2008б. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=988> (дата обращения: 12.12.2021).
- Яницкий О.Н. *Социология риска: ключевые идеи* // *Мир России*. 2003. № 1. С. 3–35.
- Arnason J.P. *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill, 2003.
- Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. Transl. by M. Ritter. London: Sage, 1992.
- Best S., Kellner D. *The Postmodern Turn*. New York: Guilford Press, 1997.
- Bowman P. *Post-Marxism versus Cultural Studies: Theory, Politics and Intervention*. Edinburgh: Edinburgh UP, 2007. DOI: 10.3366/edinburgh/9780748617623.001.0001.
- Delanty G., Turner S. (eds) *Routledge International Handbook of Contemporary Social and Political Theory*. London; New York: Routledge, 2011.
- Eisenstadt S.N. *Multiple Modernities* // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 1–29.
- Joas H. *The Age of Contingency // Faith as an Option. Possible Futures of Christianity*. Redwood City: Stanford UP, 2014.
- Sim S. *Post-Marxism: An Intellectual History*. London; New York: Routledge, 2000.
- Titarenko L., Zdravomyslova E. *Sociology in Russia. A Brief History*. London: Palgrave Macmillan, 2017.
- Wittrock B. *Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition* // *Daedalus*. 2000. Vol. 129. No. 1. P. 31–60.

THEORETICAL SOCIOLOGY IN MODERN RUSSIA: GLOBAL AND NATIONAL PERSPECTIVES

TITARENKO L.G.

Belarusian State University, Belarus

Larissa G. Titarenko, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Belarusian State University; Associate Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, Minsk, Belarus (larissa@bsu.by).

Abstract. The article provides a brief analysis of theoretical processes in post-Soviet Russian sociology. The current state and prospects for development of theoretical sociology are discussed in the context of global sociology and in the framework of original sociological theories on Russian soil. Within the first framework, a special place is given to the problem of borrowing and imitating foreign theories that take place among Russian sociologists educated and socialized in the West. It is stated that the development of national theories does not reject a possibility of relying on some global achievements and does not mean indigenization of Russian sociology. The article describes views on the general state of theoretical sociology and assessment of individual Russian theories (modernization, eco-risk, sociology of life, etc.), highlights their weaknesses and problems hindering their development. The author's position on the combination of the global and national in theoretical sociology, general sociological and special sociological theories, study of national traditions of science is offered. It is concluded that there are no prospects for a new grand theory, while coexistence of many general theories that determine the probabilistic paths of Russia's development is possible. The need for an active position of Russian sociologists in theoretical construction is emphasized.

Keywords: theoretical sociology, global and national sociology, crisis, modernization theories, civilizational analysis, interdisciplinarity, national heritage.

REFERENCES

- Alexander J. (2013) *The Meanings of Social Life: Cultural Sociology*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Ambarova P.A. (2022) Social fragmentation of communities in modern Russia: in search of a sociological theory. *Sotsiologicheskoe issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 41–51. DOI: 10.31857/S013216250017229-4. (In Russ.)
- Arnason J.P. (2003) *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill.
- Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socio-Economic and Socio-Cultural Trends and Problems*. (2016) Comp. and ed. N.I. Lapin. Moscow: The whole world. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Fluid Modernity*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Beck U. (1992) *Risk Society: Towards a New Modernity*. Transl. by M. Ritter. London: Sage Publications.
- Best S., Kellner D. (1997) *The Postmodern Turn*. New York: Guilford Press.
- Bowman P. (2007) *Post-Marxism versus Cultural Studies: Theory, Politics and Intervention*. Edinburgh: Edinburgh UP. DOI: 10.3366/edinburgh/9780748617623.001.0001.
- Braslavsky R.G., Kozlovsky V.V. (2021) Civilizational dimension of structuring society. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 20. No. 1: 148–175. DOI: 10.17323/1728-192x-2021-1-148-175. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2018a) Trends in modern critical sociology (general observations from the ESA Conference). *Sotsiologicheskoe issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–8. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2018b) The problem of social collapse in sociology. In: *Russia reforming: yearbook*. Ed. M.K. Gorshkov. Iss. 16. Moscow: Novyi Khronograf: 55–79. DOI: 10.19181/ezheg.2018.3. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2020) Reform of Russian science as an institutional construction. *Management of science: theory and practice*. Vol. 2. No. 2: 47–64. DOI: 10.19181/smtp.2020.2.2.2. (In Russ.)
- Delanty G., Turner S. (eds) (2011) *Routledge International Handbook of Contemporary Social and Political Theory*. London; New York: Routledge.
- Deviatko I.F. (2021) Sociological Theory: old problems, new challenges. *Sotsiologicheskoe issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 3–11. DOI: 10.31857/S013216250016657-5. (In Russ.)
- Eisenstadt S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. Vol. 129. No. 1: 1–29.
- Harvey D. (2021) *The State of Postmodernity: A Study of the Origins of Cultural Change*. Moscow: VSHE. DOI: 10.17323/978-5-7598-2369-8. (In Russ.)
- Joas H. (2014) *The Age of Contingency. In: Faith as an Option. Possible Futures of Christianity*. Redwood City: Stanford UP.

- Kirdina S.G. (2000) *Institutional matrices and the development of Russia*. Moscow: TEIS. (In Russ.)
- Nikolaev V.G. (2022) Sociological theory in Russia: at the crossroads of fragmentation and pluralism. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 30–40. DOI: 10.31857/5013216250017450-8. (In Russ.)
- On world and domestic theoretical sociology (round table) (2021). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–15. DOI: 10.31857/5013216250016494-6. (In Russ.)
- Parsons T. (1998) *The System of Modern Society*. Moscow: Aspect-Press. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2011) *Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the XXI Century*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Russian Society: Architectonics of Civilizational Development*: monogr. (2021) Ed. by V.V. Kozlovsky; FNISTC RAS. Moscow; St. Petersburg: FNISTS RAN. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-375-1.2021. (In Russ.)
- Scientific notes of FCTAS RAS*. (2021) Ed. by M.K. Gorshkov. Iss. 10. Acute problems of modern Russian science. Moscow: FNISTS RAN. (In Russ.)
- Shubrt I. (2021) Thoughts on modern Russian sociology and its prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–15. DOI: 10.31857/5013216250011069-8. (In Russ.)
- Sim S. (2000) *Post-Marxism: An Intellectual History*. London; New York: Routledge.
- Titarenko L., Zdravomyslova E. (2017) *Sociology in Russia. A Brief History*. London: Palgrave Macmillan.
- Toshchenko Zh.T. (2016) *Sociology of Life*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russ.)
- Urry J. (2012) *Mobility*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Wittrock B. (2000) Modernity: One, None, or Many? European Origins and Modernity as a Global Condition. *Daedalus*. Vol. 129. No. 1: 31–60.
- Yadov V.A. (2006) About the article by A.I. Malinkin. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 127–129. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2003) Sociology of risk: key ideas. *Mir Rossii* [World of Russia]. No. 1: 3–35. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2008a) Commentary on the article by Rozov N.S. Stagnation of sociology as an expression of the general ailment of Russian social science. In: *Official website of the IS RAS*. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=925 (accessed 12.12.21). (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2008b) Why is sociology losing its weight in society? In: *Official website of the IS RAS*. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=988> (accessed 12.12.21). (In Russ.)

Received: 09.02.22. Accepted: 01.03.22.